

Александр Чупров

Свобода и зло

Свобода — одна из высших человеческих ценностей. Это почти аксиома. Оспаривать ее считается почти неприличным. Только жизнь куда проще и грубее всяких идеологем. И в то же время сложнее и противоречивее. И дело тут не в том, что идеал и реальность всегда разнятся. Это тоже аксиома, причем безо всякого «почти».

Это так же очевидно, как то, что круг — круглый, а у треугольника — три угла. «Человек рожден быть свободным, а между тем везде он в оковах», — такими словами начал свой трактат «Общественный договор» (1762) духовный отец Великой французской революции Жан-Жак Руссо.

Во все времена гонителей свободы было куда больше, чем жертвенных служителей ее, поэтому наш гений Александр Пушкин писал:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Иммануил Кант (1724–1804), может быть, с грустью трезвомыслящего ученого пришел к выводу, что в мире, где все подчинено естественной необходимости, законам природы, свободы нет и быть не может. Единственное прибежище ее — мораль, где есть выбор, где человек волен поступать либо согласно обстоятельствам, либо в соответствии с принципами нравственности. Или, как бы сказали мы сегодня, «по совести».

Но уже Георг Гегель (1770–1831), говоря о совести как сердцевине естественного права, со спокойствием патологоанатома констатировал: «Оборотная сторона совести есть зло». Ибо совесть — это «достоверность самоё себя», когда всякий субъект сам себе — высший судья и потому волен самостоятельно судить, что есть добро и зло.

И действительно, самые кровавые события в истории (будь то крестовые походы, джихад, революции или гражданские войны) всегда совершались «по совести», совершались во имя добра против зла. Точнее, субъективных

(хотя и массовых) представлений о добре и зле. Сказано: «Благими намереньями вымощена дорога в ад»...

Но, может быть, Гегель принимал за совесть совсем не то, чем она является на самом деле? Например, русский мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) в своем труде «Оправдание добра» (1884) определял совесть совсем иначе: как триединство чувства стыда, благоговения перед высшим (Богом) и чувства жалости (со-страдания) к «братьям нашим меньшим». К тем, кто беззащитен и нуждается в помощи: к детям, старикам, бедным, больным, животным и растениям. В обоснование своей позиции Соловьев ссылается на библейский миф о грехопадении Адама и Евы:

7. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.
8. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица господина Бога между деревьями рая.
9. И воззвал господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты?
10. Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.

(Быт. Гл. 3)

Соловьев назвал первым истинно человеческим чувством, неведомым животным, — чувство стыда

как первооснову человеческого в человеке. Стыда за свою «животность», за свои поступки, за свои слова и тайные мысли.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948), который считал себя духовным сыном Ф. М. Достоевского и продолжателем В. С. Соловьева, ссылаясь на легенду о Великом инквизиторе из «Братьев Карамазовых», трактовал распятие Христа как результат неготовности людей к свободному выбору веры в Бога, их нежелания нести тяжкое бремя свободы. Поэтому толпа кричала: «Распни его!»

А первородный грех (вкусение Адамом и Евой запретного плода с древа познания добра и зла) Бердяев трактовал

в мире, где все подчинено естественной необходимости, законам природы, свободы нет и быть не может

самые кровавые события в истории (будь то крестовые походы, джихад, революции или гражданские войны) всегда совершались «по совести», совершались во имя добра против зла

А может быть, нет никакой свободы, как уверял Артур Шопенгауэр? Да что там Шопенгауэр... В православии, например, речь о свободе вообще не идет. Есть утверждение Бога как абсолютного добра. Ведь именно в этом пункте манихейство, единственный серьезный соперник христианству в эпоху его становления, проиграло христианству.

Манихейство утверждало вечность борьбы света и тьмы, неизбытность добра и зла, а стало быть, вечность страданий человеческих. А христианство — в отличие от манихейства — давало людям надежду, ибо зло относительно и временно, а добро (Бог) вечно и абсолютно. Даже лермонтовский Демон, «враг небес», «царь познания, царь свободы» (ипостась дьявола) — всего лишь «падший ангел», могущество которого временно. До Страшного суда, или Конца света.

Николай Бердяев, философ свободы и творчества, построил совершенно отличную от ортодоксального православия (и потому не принятую им) концепцию, согласно которой первичен не Бог — первична свобода.

В эпоху инквизиции за это сожгли бы на костре. Бог — из свободы, и человек — из свободы, не уставал повторять Бердяев. Свобода — онтологическое условие творчества: и акта божественного творения мира, и творчества человека.

В этой проповеди свободы русский философ близок западноевропейской философской традиции, начиная с Платона с его «коммунистической» утопией идеального государства и заканчивая масонами времен Великой французской революции, марксизмом и экзистенциалистами.

Впрочем, нынешний либерализм давно выродился в инструмент порабощения всего мира странами «золотого миллиарда». «Первородный грех» свободы, зло, чуть при-

не может быть свободы без выбора между добром и злом, а стало быть, без возможности совершать зло

нынешний либерализм давно выродился в инструмент порабощения всего мира странами «золотого миллиарда»

Ребенок должен быть ребенком. Молодость — молодостью. Старик — стариком. Жизнь — жизнью. Смерть — смертью

Фридрих Шеллинг (1775–1854) — этот Моцарт в философии, играючи создававший свои многочисленные философские системы, — определял зло как частное, которое стремится стать всеобщим. Иначе говоря, стремится нарушить меру своего бытия, как нарушает его смертельный вирус, попавший

в организм, перестраивая его клетки, уродуя их в соответствии со своей структурой, убивающий его.

Разумеется, всякое сравнение «хромает». О добре и зле можно говорить лишь по отношению и в отношении к человеку. Вирус, как и хищник, не может быть ни добрым, ни злым. Он таков, какова его природа. Он может быть вредным или полезным, опасным или безобидным по отношению к кому-то или чему-то.

Но я не знаю ничего, что в человеческой жизни принято называть злом, что бы не соответствовало алгоритму, сформулированному Шеллингом. В противоположность злу, добро — это всегда то, что соответствует мере своего бытия, соответствует тому, чем и кем оно должно быть. И во вселен-

ском масштабе, и во всякой частной подсистеме. Ребенок должен быть ребенком. Молодость — молодостью. Старик — стариком. Жизнь — жизнью. Смерть — смертью.

Это целиком и полностью относится и к понятию свободы, которое я понимаю не как «свободу от» или «свободу для» чего-либо, а как способ быть самим собой, быть своим и в мире людей, и во Вселенной.

Быть, а не казаться. Быть, не нарушая меру своего должного бытия. Быть, не разрушая мироздания. Как писал Алексей Федорович Лосев (1893–1988), свобода есть совпадение сущего

с должным. И субъективно, и объективно. Только в этом смысле свобода есть добро. Есть истинно духовная и онтологическая ценность.